

Я установил срок, к которому должны были вывезти технику. Однако местная власть и само хозяйство медлили. В один прекрасный день мы стали звонить в колокола, взяли иконы, сварочный аппарат, чтобы срезать замки, и направились к Покровскому храму. Увидев, что люди настроены решительно, в исполкоме зашевелились. К нашему приходу открыли ворота и выгнали трактора. Мы зашли, отслужили благодарственный молебен и на следующий день начали восстанавливать храм.

– Ваше усердие отметили в Патриархии и направили в Якутию на восстановление епархии, в которой был всего лишь один действующий приход...

– Да и самой епархии, по большому счету, не существовало. Ее уничтожили после революции 1917 года. Я оказался первым, кто приехал туда после тех трагических событий.

Целый год был в единственном числе на всю епархию: и крестил, и отпевал, и ездил по огромной северной республике, организуя общины и открывая приходы, общался с людьми. Газету епархиальную начал выпускать. Был и редактором, и корреспондентом. Одновременно подбирал священников, учил, рукополагал. Так начался новый этап моей жизни на Севере. Более одиннадцати лет там прожил. Сложностей хватало, плюс суровость климата, огромные расстояния. Но люди жили, жил и я. Даже находил время для учебы в Православном Свято-Тихоновском богословском институте (ныне гуманитарный университет).

– Говорят, что Вы в Якутии перемещались на личном вертолете.

– Что за выдумки! Копейки порой не было... Если специалисты крупной компании летели к месту строительства, то напрашивался к ним попутчиком. Чаше покупал билет на обычный пассажирский рейс. В ближайшие районы добирался на машине. Летом – по рекам на катере, как все люди.

– Какой стала епархия перед Вашим отъездом в Курск?

– К тому времени мы построили пятьдесят приходов и женский монастырь. При епархии создали филиал Православного Свято-Тихоновского богословского института. Осуществляли переводы и подготовили издания Нового Завета, Закона Божия, богослужебной и религиозной литературы

на современном якутском языке. Проводили активную миссионерскую работу, в рамках которой многие тысячи якутов и эвенков приняли Таинство Крещения.

В храмах епархии стали регулярно совершаться богослужения на якутском языке. Взаимоуважительные отношения с властью установили. Никто не чинил препятствий. Последние годы не испытывали материальных затруднений при строительстве: помогали крупные якутские компании. У нас уже был свой отдел строительства. Кстати, наши объекты обходились в два-три раза дешевле светских.

– Вы знали что-нибудь о Курской епархии?

– Ничего не знал. Город для меня был связан с Курской битвой и родиной преподобного Серафима Саровского, которого очень почитают. Детство мое прошло недалеко от села Дивеево, Сарова. Наши бабушки раньше туда ходили пешком на богомолье. В каждом деревенском доме находились иконы преподобного старца.

В Курске все было незнакомо. Чужой город, который мне предстояло принять душой, сделать своим.

– Да, но в Курской епархии не пришлось все начинать с нуля. Прочный фундамент для дальнейшего развития здесь заложил митрополит Курский и Белгородский Ювеналий.

– Многое сделано моим предшественником, открыто немало храмов и обителей. Но пришлось что-то и подправлять. Ведь у каждого руководителя свои требования. В Якутии все священники – мои воспитанники. Здесь же наши взгляды не всегда совпадали. Приспосабливались, притирались друг к другу. Так всегда бывает на новом месте. А с руководством области и городов быстро установились деловые контакты.

– Владыка, восемнадцатый год Вы служите на кафедре в Курске. Что изменилось за эти годы?

– Кардинально преобразилась наша гордость – Коренная Рожде-

ства Пресвятой Богородицы мужская пустынь. В Курске после наших настоятельных обращений в горсобранье появилась улица имени преподобного Серафима Саровского. В школах области ведется преподавание основ православной культуры.

А сколько церквей восстановили и построили с нуля! В Беловском и Суджанском районах осталось лишь по одному храму восстановить. Остальные в хорошем состоянии. В Железногорске никогда не было храмов, а сейчас их там шесть.

Новую жизнь вдохнули в древний Свято-Троицкий женский монастырь в Курске, Рыльский Свято-Николаев-

Коренная пустынь

ский мужской монастырь. В нашей епархии ныне семь действующих обителей.

В самом Курске я освятил одиннадцать храмов. Всего же более трехсот церквей сегодня действуют в митрополии. Продолжаем строить. В Курчатове возводим два храма, в Курске – четыре. Преображается Знаменский мужской монастырь, включающий в себя несколько памятников архитектуры федерального значения, в том числе Воскресенский храм. Он получился очень красивым. Но строительство храмов – это не самое главное. Главное – чтобы рождались души человеческие, чтобы люди приходили к Богу, обретали спасительную веру. Приняли Господа и Спасителя в свои сердца.

В России храмы строили всем миром. Но самые большие средства вкладывали люди состоятельные. Есть они и среди курских меценатов. Это